

Ци Гу было лень слушать, что там говорит Ша Чуань. С начала и до конца он лишь раз взглянул на него, а затем обратился к остальным:

— Отойдите подальше, чтобы она случайно не вселилась не в того.

Все поспешно отошли от Ци Гу на добрый десяток с лишним метров. Особое внимание он уделил самому слабому из присутствующих — Линь Ханьчжи. Убедившись, что тот стоит достаточно далеко, Ци Гу велел Ша Чуаню встать посреди свободного пространства, а затем пустой бутылочкой от только что выпитого молока, словно кистью, начертил на земле огромный круг.

— Если бы здесь оказался знающий человек, он с первого взгляда понял бы: Ци Гу без единой ошибки начертил карту судьбы, рассчитанную по восьми знакам рождения Сюй Сюэ.

В тот миг, когда круг был закончен, по горе внезапно поднялись ветер и туман, листья зашелестели всё быстрее, и без того жуткая ночная Цинцзи стала казаться ещё более пустынной.

— Небо наверху, Подземный мир внизу. Тот, кто связан с этими восемью знаками рождения, немедленно войди в это тело!

Стоило заклинанию оборваться, как ветер и туман взметнулись с новой силой и полностью окутали стоящего в центре Ша Чуаня.

Поначалу он в панике попытался убежать, но очень быстро обнаружил, что ноги по непонятной причине будто намертво прибило к земле. Он не мог сдвинуться ни на миллиметр и лишь беспомощно смотрел, как влажный ледяной туман налетает ему в лицо и полностью скрывает тело.

Примерно через семь-восемь минут туман рассеялся. Выражение Ша Чуаня внутри круга сменилось с испуганного на растерянное и недоверчивое. Он посмотрел на людей перед собой:

— Вы кто? Где я? Разве я не должна быть в Подземном мире, тянуть номерок и ждать очереди на перерождение?

Черты лица оставались теми же, что у Ша Чуаня, но стоило им ожить, и вся манера человека стала совершенно иной.

— Не бойся. Здесь снимают мистическое шоу «Тайны потустороннего». По просьбе твоих родителей я ненадолго вызвал тебя из Подземного мира. Есть ли у тебя какая-нибудь несправедливость, о которой ты хочешь рассказать? — Лицо Ци Гу оставалось спокойным, но голос звучал почти мягко.

Во всяком случае, с Ша Чуанем он никогда таким тоном не разговаривал.

Сюй Сюэ замерла, а затем лицо ожило:

— То есть, если я сейчас говорю в камеру, меня увидят мама, папа и ещё много зрителей?

Она и вправду была такой же солнечной и яркой, как рассказывала Цзян Хуаго. По ней никак нельзя было подумать, что она умерла, покончив с собой.

— Да.

— Сюэ Сюэ, это я. Папа.

— А я... мама.

Из динамика телефона донёлся дрожащий, мучительно болезненный и одновременно взволнованный голос человека, чья давняя мечта наконец исполнилась.

— Папа! Мама!

Сюй Сюэ снова произнесла те обращения, которые, как ей казалось, уже никогда не сможет сказать, и в одно мгновение разрыдалась.

Она сожалела. Давно уже сожалела.

Поэтому её душа бесчисленное количество раз бродила за окном родительской спальни. Но оба родителя были государственными служащими, их окружала праведная ци, и всякий раз, когда она подходила к комнате, эта сила отбрасывала её прочь, не позволяя приблизиться.

— Именно поэтому отец и мать Сюй бесчисленное количество раз просыпались сразу после того, как им удавалось увидеть дочь во сне.

— Папа с мамой здесь. Мы оба здесь, Сюэ Сюэ. Если тебя обидели, рассказывай. Мы и столько зрителей обязательно добьёмся для тебя справедливости! — с болью сказал отец Сюй.

— Я покончила с собой... потому что владелец компании по раскрутке блогеров, с которой Ша Чуань подписывал контракт, совершил надо мной насилие. В тот день Ша Чуань попросил меня пойти с ним на встречу по поводу контракта. Я собиралась остаться дома готовиться, но он сказал, что в его аккаунте есть и моя заслуга, а владелец компании хочет, чтобы я тоже пришла на оценку. Поэтому я пошла вместе с ним. Вся проверка прошла нормально. После подписания договора мы отправились в караоке отмечать. Я плохо переношу алкоголь, поэтому

заказала всего один слабый фруктовый напиток. Но выпила — и голова сразу страшно закружилась. А потом начальник попросил Ша Чуаня спуститься вниз и занять очередь в популярной шашлычной «Огненно-острые шашлычки»... Тогда всё и произошло. Я сразу хотела обратиться в полицию, сохранила всё, что могло быть доказательством. Но когда Ша Чуань вернулся, он обнял меня, плакал, извинялся и уговаривал не заявлять.

Сюй Сюэ уже однажды умерла, поэтому теперь говорила об этом заметно спокойнее, чем минуту назад, когда слышала голоса родителей.

— Он говорил, что в интернете столько жертв подобных преступлений, но вместо сочувствия и уважения люди обсуждают их внешность и одежду, судят их... Сказал, что если так будут судить меня, ему будет очень больно. А ещё мои родители — госслужащие. Если выяснят, кто они, это обязательно на них повлияет. Как им потом жить и смотреть людям в глаза?

— В итоге я просто сохранила доказательства в облаке и в полицию не пошла. После этого Ша Чуань окружил меня заботой, во всём уступал, но всё равно время от времени задевал самые болезненные темы. Моё состояние становилось хуже день ото дня. А потом однажды я сорвалась, вообще перестала контролировать себя и в порыве взбежала на крышу.

Сюй Сюэ с силой стукнула себя по голове.

— Я тогда совсем мозги потеряла и загнала себя в тупик. Сейчас думаю: ну укусила меня собака — разве стоило из-за этого прыгать? Вы не представляете, как больно умирать от падения с высоты. После удара кости ломаются и пронзают плоть, а сознание при этом ещё остаётся ясным...

Сюй Сюэ очень сожалела о своём тогдашнем выборе.

Если бы она знала, чем всё закончится, она сразу пошла бы в полицию.

Ну и что, если бы её обсуждали?

Всё лучше, чем молча довести себя до болезни.

Она ведь не сделала ничего плохого.

А люди, которые из-за такого стали бы презирать её, сами чего стоили?

Раз они и людьми-то толком не были, зачем ей вообще заботиться об их мнении?

Отец и мать Сюй, услышав это, рыдали навзрыд.

— Это наша вина. Мы были с тобой слишком строгими, поэтому ты не решалась сразу рассказывать нам о своих бедах... Если бы мы были хорошими родителями и ты сказала нам, я бы в тот же день отвёз тебя в полицию.

— Глупая девочка. Мы с папой дожили до такого возраста, и самое важное для нас — только ты... Что нам до чужих разговоров?

Старики горевали и винили себя так сильно, что не могли успокоиться.

Цзян Хуаго и представить не могла, через что прошла её подруга. Глаза покраснели, сердце сжималось от боли.

□Бедная девушка... У Ша Чуаня что, с головой проблемы? Зачем он не дал ей пойти в полицию?□

□Если бы она заявила, всего последующего бы не произошло.□

□У-у-у, какие хорошие родители. Они не обвиняют дочь, а считают, что сами сделали недостаточно. Такая хорошая семья...□

□А мне кажется, в этом Ша Чуань ничего плохого не сделал? Он ведь говорил о реально существующей проблеме. Может, просто хотел защитить девушку.□

□Эх...□

Пока все сожалели и вздыхали, Ци Гу внезапно сказал:

— Это, похоже, ещё не вся правда.

На чёрной нити, соединявшей Ша Чуаня и Сюй Сюэ, всё ещё была обвита нить третьего человека. Причём причинно-следственная связь между этим человеком и Ша Чуанем была почти такой же сильной, как между Ша Чуанем и Сюй Сюэ.

— Вспомни внимательнее. В тот вечер в караоке Ша Чуань точно не делал ничего странного? — спросил Ци Гу прямо, хотя его голос всё ещё оставался мягким.

Сюй Сюэ опустила голову и глубоко погрузилась в воспоминания.

Через долгое время она подняла лицо:

— В тот день... Кажется, после того как я выпила, Ша Чуань раза три спрашивал что-то вроде: «Ты нормально себя чувствуешь? Как можно так покраснеть даже от фруктового вина?»

Тема перешла в область, которую Ци Гу знал особенно хорошо, и он тут же спросил:

— Если я ничего не путаю, сеть «Огненно-острые шашлычки» вечером работает только до восьми. Вы пришли в караоке в восемь?

Сюй Сюэ задумалась, а затем покачала головой:

— Нет. Я помню, что когда мы приехали, было уже после восьми. А после того как немного посидели и выпили, должно было быть около девяти.

— Значит, Ша Чуань должен был спуститься, увидеть, что заведение уже закрыто, и сразу подняться обратно. Но вместо этого он вернулся только тогда, когда... всё закончилось.

Голос Ци Гу стал ледяным. Когда он смотрел на тело Ша Чуаня, в его взгляде было такое отвращение, словно перед ним лежала грязь, к которой не хотелось приближаться.

□Врёт прямо в зоне комфорта Ци Гу. Он же гурман, как он может не знать, до скольких работает популярная шашлычная?□

□Почему-то ход этого расследования кажется слегка неправильным...□

□То есть Ша Чуань был в сговоре с начальником и специально заманил Сюй Сюэ? Боже, какая мерзость, а-а-а-а!□

□Сестра, может, тогда прямо сейчас управляй телом Ша Чуаня и прыгни с обрыва? Мы честно сделаем вид, что ничего не видели.□

□Буэ-э, меня так тошнит, будто весь новогодний ужин сейчас выйдет обратно.□

□Хозяин «Огненно-острых шашлычков»: ну и везёт же мне с тобой.□

Сюй Сюэ тоже поняла, в чём дело. Лицо стало таким, словно она выпила половину стакана молочного чая и только потом увидела на дне таракана, успевшего отложить яйца.

Хуже того — она уже успела разжевать эти яйца, решив, что магазин положил бесплатную добавку.

□Вот почему Ша Чуань так уговаривал её не обращаться в полицию и потом окружал заботой.□

□Так вот оно что!□

□Господи...□

□У меня лёгкие от злости сейчас лопнут, а-а-а!□

□Я заметил одну деталь. Ша Чуань ведь постоянно психологически давил на людей. А что, если он и это превратил в инструмент манипуляции? Сделал так, чтобы девушка почувствовала себя униженной и неуверенной, а потом был с ней особенно добр — чтобы ещё легче контролировать.□

□Ты там наверху... психолог, что ли?□

□Если так подумать, версия не лишена смысла.□

□Уф! Ядовито. Очень ядовито. Говорят, нет ничего ядовитее женского сердца? Да куда там — мужское поядовитее будет.□

□Но Ша Чуань всё равно сам не признается.□

□Даже если всё так, его ведь всё равно нельзя осудить за убийство?□

□Моё давление сегодня выше горы Цинцзи.□

□Так и правда никак нельзя заставить Ша Чуаня признаться самому?□

Ци Гу просмотрел сообщения на экране и подумал.

— Вообще-то способ есть. В Зале судей Подземного мира бывали случаи, когда живых людей по ночам временно призывали исполнять обязанности судьи и разбирать дела духов. Чтобы живой судья не действовал из личных побуждений, перед разбирательством ему давали проглотить железную пилюлю, успокаивающую разум и не позволяющую поступать пристрастно. Если заставить Ша Чуаня съесть такую, он сможет говорить только правду.□

□А нам такую штуку реально достать?□

□Ты там наверху мечтаешь. Он же сказал — она есть только в Зале судей. Мастер Ци, конечно, крут, но не может же он просто взять вещь из Зала судей Подземного мира?□

□Эх, значит, надежды нет.□

На лице Ци Гу мелькнула ностальгия.

— Когда я прочитал об этой железной пилюле в старых книгах, мне стало интересно, и я пошёл спрашивать учителя. Учитель сказал, что у него как раз есть одна, и отдал мне... Только все эти годы случая проверить её так и не представилось. Не знаю, правда ли он говорил. Старик любил прихвастнуть.

С этими словами он вытряхнул из фиолетово-золотого сосуда железную пилюлю размером с воробьиное яйцо и весом примерно в два.□

Её покрывало множество тончайших узоров, от неё веяло холодной иньской энергией.

В тот миг поток комментариев словно замер.

А затем экран буквально взорвался.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949018>